

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Царство Антихриста. [1]

I

«Большевизм и Россия», – если так ставился вопрос еще недавно, то теперь уже не так. Не «большевизм и Россия», а «большевизм, Европа и Россия», – вот как сейчас он поставлен всемирно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынешней Россией, большевистскою, и Россией будущей, освобожденною, Европа, хочет того или не хочет, будет вдвинута. Сколько бы не открещивалась от «вмешательства», – рано или поздно, вмешается, двинется.

Как интернационален, в существе своем, в Интернационале, сам большевизм, так и борьба с ним должна быть интернациональною, всемирною. Когда последний русский национальный фронт пал или ушел в глубь России, в неизбежную революцию, – это яснее, чем когда-либо. Национальный фронт пал – обнажился фронт всемирный.

Этот час, когда я с вами говорю, есть час всемирности, и это место, где я с вами говорю, – есть место всемирности: Париж – город всемирный по преимуществу. Вот почему, если когда-либо, то отныне, и если где-либо, то отсюда, борьба с большевизмом должна, сделаться всемирной.

Да, между большевизмом и Россией будет вдвинута Европа. Это очень трудно понять европейцам. Но, как им ни трудно, – мы, русские, должны сделать, чтобы они наконец это поняли.

Европейцы этого не поймут, пока мы, русские, сами не поймем, что большевизм может быть побежден только «Третьей Россией».

Что такое Третья Россия?

Россия первая – царская, рабская; Россия вторая – большевистская, хамская; Россия третья – свободная, народная.

Но, прежде чем говорить о существовании Третьей России, должно сказать о ведущих к ней путях.

На этих путях все русское изгнание, русское «рассеяние», уже подобное великому рассеянию Израиля – *diaspora* – делится надвое: на знающих и не знающих о том, что сейчас происходит в России.

Не застигнутые полднем большевистского ужаса в самой России, успевшие бежать, – не знают всего, а не знать об этом всего – ничего не знать. Кто этого сам не видел, не испытал, не пережил, тот никогда ничего не узнает.

Между знающими и незнающими – черта, подобная черте смерти: живые – мертвых, мертвые живых не понимают. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Мы и вы – тот свет и этот.

О том свете мы вам ничего сказать не можем. Между нами и вами – стена стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главного. Главное свойство того, что сейчас происходит в России – немота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди страдают страданию малому и среднему; слишком большому сострадать уже не могут, потому что не видят его: так ультрафиолетовых лучей не видит глаз. Вся Россия сейчас – в таких лучах страдания невидимых.

Кто знает все, что сейчас происходит в России, – у того не рана в душе, а вся душа – рана; тот человек с содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающие; а мы говорим: не хотим обрастать, не хотим забывать. Будь мы прокляты, если забудем!

«Воскреснет же когда-нибудь Россия, – подождем», говорите вы; а мы говорим: никогда не дождется России тот, кто ждал.

«Лучше большевики, чем то или это», говорите вы, а мы говорим: лучше все, чем большевики.

Для их свержения вы готовы жертвовать тем или этим, а мы – всем. С тем или этим вы у них соглашаетесь; а мы – ни с чем. Вы – мирящиеся; мы непримиримые.

«Не вмешивайтесь в русские дела», говорите вы, а мы говорим: невмешательство против большевиков – вмешательство за них.

Невмешательство – соглашательство – предательство, русское и всемирное.

Кто предал Россию большевикам и вот уже три года предает? Соглашатели – Ллойд Джордж один, и Ллойд Джорджи бесчисленные; Керенский один – и бесчисленные Керенские. Если Керенский вернется в Россию, то как встретят его? Растерзают? Нет, он сам рассыплется прахом.

Кто торговался о России «единой, неделимой» и мертвой, забыв о России живой и расчлененной, растерзанной? Все вы же, соглашатели, русские и всемирные.

Еще оттуда, из нашего гроба, погребенные заживо вместе с Россией, мы торг этот слышали, во время наступления Колчака, Деникина, Юденича, – торг о Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, и каждое условие торга вколачивало лишний гвоздь в наш гроб. Нет, этого мы вам никогда не забудем за себя и за всех, кто остался в России. Будь мы прокляты, если забудем, – говорим о себе. Говорим и о вас: будьте вы прокляты, уже забывшие!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, – ведь главное свойство Керенских и есть сочетание благородства с предательством.

Русский Париж – город соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то с ним и говорить бы не стоило. Я с вами говорю, потому что верю, что там, где есть русские люди, есть и люди с содранной кожей, незарастающей; там где есть русские люди, есть и помнящие все, что сейчас происходит в России; не соглашатели, не предатели, – враги большевиков непримиримые. Я с вами говорю, потому что верю, что среди вас непримиримых много, и будет все больше; а когда будут все, тогда большевизму конец, тогда будет Третья Россия.

Непримиримость – вот в Россию Третью путь единственный. Кто сошел с него, тот в нее не войдет. Не войти в Россию, не иметь в ней части – казнь мирящихся.

Мириться можно со злом относительным, с абсолютным – нельзя. А если есть на земле воплощение Зла Абсолютного – Дьявола, то это – большевизм.

«Ваш отец – дьявол. Он был человекоубийца от начала, лжец и отец лжи».

Большевики – сыны дьявола, лжецы и человекоубийцы от начала. Лгут и убивают, убивают и лгут. Покрывают ложь убийством, убийство – ложью. Чем больше лгут, тем больше убивают. Бесконечная ложь – человекоубийство бесконечное.

От начала солгали: «Мир, хлеб, свобода». И вот – война, голод, рабство. Такое рабство, такой голод, такая война, каких еще никогда на земле не бывало.

Лгут о революции – освобождении, а свободу называют «буржуазным предрассудком» (Ленин.) Но, если надо буржуазию уничтожить, то надо уничтожить и свободу. Это и делают: убивают свободу и покрывают убийство ложью. Лгут, что убили свободу на время, пока не восторжествует равенство. Но нельзя убить свободу на время. Убитая свобода не воскресает, пока живы свободуубийцы. Пока жив большевизм, свобода мертва.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на земле не бывало. Доныне всякое человеческое насилие, порабощение было только частичным, условным и относительным, именно потому, что было только человеческим. Всякий поработитель знал, что делает зло. Большевики этого не знают. Так извратили понятия, что зло считают добром, добро – злом, «по совести» по своей нечеловеческой, дьявольской совести. И впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское.

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org

Так же лгут и о хлебе. Не хлеб им нужен, а голод. Не борются с голодом, а голодом держатся: вся власть их зиждется на голоде. Давно уж поняли, что сытый народ бунтует, ищет свободы; а голодный покоряется и чем голоднее, тем покорнее. Давно уже поняли, что цепь голода – из всех цепей крепчайшая. Все человеческие страхи мгновенны и частны, по сравнению со страхом голода, общим и вечным. Огнем и железом пытаются одного человека, а человеческие множества – «массы» – голодом. Много смертей человеческих; у каждого человека – своя; но голодная смерть для всех одна. Когда и мать-земля не родит, то человек – сын, проклятый матерью. Проклятье земли тягчайшее.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах,
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях.

Так сейчас в России, так будет и во всей Европе, если пройдет по ней большевизм. Где конь этот ступит копытом, там трава не растет; где саранча эта сядет, там уже ни былинки, ни колоса. Съели Россию – съедят и Европу. Весь мир съедят. Вот для чего идут с востока на запад красные полчища. Не Троцкий ведет их, а полководец иной – апокалипсический всадник на черном коне с черным знаменем – Голод. И пулеметного огня в спину не нужно, когда гонит людей голод: если позади смерть, а впереди хлеб, то люди идут вперед и пройдут весь мир – не остановятся. Вот, в чем тайна красных «побед», этих чудес дьявольских.

Большевики и это давно уже поняли. Как победили Россию, так победят весь мир голодом. Исполнилось над нами слово пророка: «Умерщвляемые мечом блаженнее умерщвляемых голодом. Руки мягкосердечных жен варят детей своих, чтобы они были им пищу. Кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода».

Погодите, народы Европы, слово это и над вами исполнится: если не обратитесь и не покаетесь, будет и у вас небывалое царство голода – царство дьявола.

Лгут о хлебе, лгут о свободе, но больше всего лгут о мире.

Мира жаждет ныне человечество, как умирающий от жажды жаждет воды. Но мира нет, и сейчас меньше, чем когда-либо, можно надеяться, что будет мир. На востоке Европы все еще бушует война; на западе буря как будто утихла, но страшная мертвая зыбь войны уносит полуразбитый корабль Европы в океан безбрежный, к новой буре, крушению новому, последнему. Как умирающий от жажды в пустыне, плетется человечество к источнику мира, а большевики забегают вперед и отравляют воду в источнике. Уже отравили, осквернили, сделали мир «похабным» для России и хотят сделать то же для всего человечества. Много у них грехов; но это – тягчайший. Вот за что им камень жерновный на шею, – за осквернение мира.

Лгут: все войны кончатся, и будет мир всего мира только тогда, когда внешняя война международная делается внутренней войной междуусобной, переродится в так называемую «борьбу классов».

Вот где этими сынами дьявола, лжеца и человекоубийцы изначального, ложь и человекоубийство сплетены в крепчайший узел.

Идея «классовой борьбы», как основной социальной динамики, открыта не ими: вообще никаких идей не открыли они – безыдейность одно из главных их свойств. Идея эта принадлежит тому, кого они считают своим пророком и учителем, Карлу Марксу. «В большевизме Маркс неповинен; Марксовы кости в гробу перевернулись бы, если бы он узнал, что большевики с ним делают». Утверждение это, ныне столь ходкое, следует принимать *cum grano salis*. Именно идея классовой борьбы, вплоть до всемирной войны междуусобной, поглощающей все войны международные, идея «классовой борьбы», в качестве единственно желанной и действительной революционной динамики, связывает большевизм с марксизмом, как пуповина связывает младенца с утробой матери. Именно по этой идее видно, что недалеко большевистские яблочки от яблони марксистской падают.

Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презренна, – мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знаем о ней, чего Маркс не знал, что и не снилось всем мудрецам социал-демократии. У них идея эта была только в уме; у нас – в крови и в костях: кровь наша льется, кости трещат от нее.

Мы знаем, что война междуусобная в неизмеримо-большей степени есть «война на истребление», чем все войны международные, и что это война бесконечная. Конец ее – взаимоистребление классов – еще менее возможен, чем истребление одного народа другим. Французы могли бы истребить немцев, и желтая раса – белую, потому что тут враг – видит врага в лицо, может отличить его от друга. Но как отличить буржуа от пролетария? Маркс думал, что это легко. Мы знаем, как трудно.

Два класса – не только два существа экономических, два тела, как думал Маркс, но и два духа. Класс на класс – дух на дух. Борьба двух начал духовных – антиномий метафизических – есть борьба безысходная и бесконечная. Тело истребить можно; но как истребить дух? Дух буржуазный таится и в пролетариях. И даже эти «буржуи» новые хуже старых. Дух неуловим, неистребим. Бесконечна война русских чрезвычайек с «буржуйным» духом, – какова же будет война чрезвычайек всемирных?

Да, по русской междуусобной войне можно судить о всемирной. Война междуусобная на международную – братоубийство на человекоубийство, огонь на огонь, больший на меньший. В войне международной – жар горящего дерева, в междуусобной – жар железа, раскаленного добела. В международной войне люди – звери; в междуусобной – дьяволы.

Такова тройная ложь большевиков – «мир, хлеб, свобода» – бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война – тройное царство дьявола.

О, я понимаю, как страшно о десятках, сотнях тысяч людей сказать не шутя, веря в реальное существование дьявола: «Все это сыны дьявола!» Но как это ни страшно, я именно так говорю. Так же говорил это Достоевский в «Бесах».

Что такое «бесноватость»? Для научного знания – душевная болезнь. Могут ли ею заболеть не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Для знания религиозного бесноватость – больше, чем душевная болезнь: это – реальная одержимость дьяволом, предельное воплощение, реализация Абсолютного Зла в человеческой личности, не только в духе, но и в плоти. Человек становится воистину дьяволом. Могут ли быть бесноватыми не только отдельные люди, но и целые народы? Мы видим, что могут.

Если богочеловечество – основной догмат христианства, то обратная сторона этого догмата – бесочеловечество. Можно отвергнуть все христианство вместе с его основным догматом; но, приняв одну половину его, надо принять и другую.

Таков ужасающий реализм моего утверждения: большевики – сыны дьявола.

Но все ли большевики – сыны дьявола? Нет ли между ними и честных, добрых людей, даже «святых»? Вот вечный вопрос соглашателей.

Честных и добрых большевиков нет, а есть как будто честные и как будто добрые. Но эти еще хуже простых негодяев: чем лучше, тем хуже.

Разумеется, и честный и добрый человек может сойти с ума, сделаться зверем, дьяволом или идиотом, юродивым, даже как будто «святым». Но в сумасшествии уже нет человека, не только честного и доброго, но и какого бы то ни было: человек был и, может быть, снова будет, когда выздоровеет, но сейчас его нет.

Большевизм, как душевная болезнь, не столько умственная, сколько нравственная – *moral insanity*, и есть такой именно абсолютный провал человеческой личности, ее исчезновение абсолютное. В этом смысле, истинных большевиков, «честных» и «святых», к счастью, немного. Но это – самые страшные.

Единственное метафизическое оправдание большевистского дьявола, последний обман его, – равенство. Убивают братство, убивают свободу во имя равенства; да погибнет мир, да будет равенство.

Вопрос о большевистском равенстве – сложный и трудный, требующий ответа пространного. Но мой ответ будет краток. Того, кто слеп, потому что не

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
хочет видеть, не убедят никакие ответы. Слепой, не видящий красного цвета, не увидит и белого: кто не знает свободы, не узнает и равенства.

Равенство в рабстве, в смерти, в безличности, – в Аракчеевской казарме, в пчелином улье, в муравейнике или в братской могиле, где труп равен трупу, так что не различишь, – и равенство в личности, в жизни, в свободе, в революции, – не одно и то же. Как соединить революционную Свободу с революционным Равенством, – в этом, конечно, весь вопрос. Большевики не только не разрешили его, но и не поставили; прошли мимо, не подозревая, что тут есть вопрос. Умно и преступно, или идиотски невинно, «свято» утверждают они равенство на свободоубийстве и братоубийстве. Но, убивая Братство, убивая Свободу, убивают и Равенство, потому что разделить их нельзя: эти три – едино: Свобода, Равенство, Братство – три лика одного Божества – Революции.

Свобода – мать Равенства. А большевики вырезают нерожденного младенца, Равенство, из чрева матери, Свободы. Большевизм – братоубийство, свободоубийство и убийство равенства – проклятая троица.

«Светом трижды светящим» – das dreimal glühende Licht – Пресвятою Троицей – заклинает и побеждает дьявола Фауст. Тем же светом и мы победим Красного Дьявола.

«Свобода, Равенство, Братство» – Пресвятая Троица в человечестве – этот «трижды светящий свет» загорелся впервые во Франции. Прав Гегель, утверждающий, что Французская революция есть «величайшее откровение христианства после Христа». Франция – святая земля Революции, ее купина неопалимая во всемирной истории. «Скинь обувь свою, ибо ты стоишь на земле святой».

О, я себя не обманываю, я знаю, что и здесь, во Франции этот огонь потухает, что и здесь святыня революции глубоко забыта, зарыта. Зарыта, но не потеряна; забыта, но жива. Жива Революция, пока жива Демократия, потому что у обеих одна душа – Свобода.

Нет, никогда не примирится святая земля Свободы со свободоубийцами. И если в последней борьбе с Красным Дьяволом где-либо вспыхнет всемирный очаг непримиримости, то именно здесь, во Франции.

Вот почему здесь, во Франции, здесь, в Париже, я с вами говорю об этой последней борьбе.

II

В начале XX века океанический пароход «Титаник» потерпел крушение, столкнувшись в тумане с плавучею льдиною. На пароходе совершали увеселительную прогулку американские миллиардеры со своими семьями. За несколько минут до гибели никто ничего не предвидел. Все были спокойны и веселы до того мгновения, когда пронеслось ледяное дыхание смерти. И, если бы сказали им: «Вы сейчас погибнете», – разве бы они поверили?

Так не верит нам Европа, когда мы говорим, что русский пожар – не только русский, но и всемирный. А когда поверит, то бросится тушить пожар, но поздно будет: не Европа нас потушит, а мы ее зажжем. «Мы зажжем Европу», – это сказано было в 1907 году, во время первой русской революции, в книге моей «Le Tsar et la Révolution», изданной здесь, во Франции. Тогда никто не поверил и сейчас не верит никто.

Европа все еще гадает: будет или не будет всемирная революция? А она уже есть: запах ее надо всею Европою, как запах серы перед извержением вулкана.

Европа все еще надеется, что у нее будет не то, что в России: не революция, а эволюция, не срыв, а спуск. Все еще Европа не знает, что из всех спусков – самый отлогий и медленный – в ад.

Мы, русские, давно уже поняли, что здесь, в Европе, слова бесполезны: никого ни в чем никакими словами нельзя убедить. Если между русскими, знающими и не знающими, – стена стеклянная, то между европейцами и русскими, – тем более. Европа видит, слышит нас, но не осязает главного. Ей все еще кажется, что гибель России, ее, Европы, не касается. А когда коснется, – поздно будет.

За что гибнет Россия? Пусть вопрошающие вспомнят башню Силоамскую: «Если не покаетесь, все так же погибнете».

Бич Божий поднят над Европою. Хотим ли мы или не хотим, чтобы он опустилсь? Такова нераскаянность, таково окаянство Европы, что иногда хотим.

Европейцы думают, что русский большевизм – болезнь для них не опасная: что-то в роде чумы на рогатый скот – к людям неприлипчива. Но, если они ошиблись, то жестоко расплатятся.

Мы уже давно не ждем от Европы жалости. Произошла катастрофа небывалая: тридцать миллионов людей погибло в России. И если погибнут все, – не будет жалости. И добро бы только у «буржуев», – нет, европейские пролетарии к русским братьям своим, гибнущим, еще безжалостнее.

Мы уже давно не ждем стыда от Европы. Все знают, что такое большевики. И вот, самые гордые из европейских народов продают им честь свою за ничто. И добро бы только «буржуи», – нет, и пролетарии, – эти еще бесстыднее.

Ни стыда, ни жалости; так нет ли хоть страха? Но и страха почти уже нет. Помните тургеневского мальчика, выглянувшего в окно, во время кончины мира: «Дяденька, глянь-ка, земля провалилась!» Провалилась Россия, шестая часть планеты Земля, а Европа хочет устроиться на самом краю провала.

Чем грозит русский большевизм Европе, мы предчувствовали смутно еще там, в России, во время наступления Колчака, Юденича, Деникина; но только здесь, в Европе, только теперь, после падения Врангеля, мы видим это с неотразимой ясностью.

Когда под Варшавою разбиты были красные полчища, ничего не стоило свергнуть Советскую власть. Внутри России все уже было готово, и достаточно было искры, чтобы произошел взрыв; достаточно было малейшего извне дуновения, чтобы Советская власть разрушилась, как карточный домик. Но Европа не двинулась, не шелохнулась. Польша заключила мир, Врангель пал, и большевизм, восторжествовав, неимоверно усилился.

Отчего же Европа осталась недвижною? Не захотела или не смогла двинуться? Страшный вопрос.

Наш страх за Европу – страх за себя, за свое. «Моя Европа», – говорил Чаадаев. «У нас две родины – наша Русь и Европа», – говорил Достоевский.

Европейцы в Европе – англичане, итальянцы, французы, немцы; только русские – европейцы всемирные. Гениальной особенностью Пушкина, самого русского из русских людей, Достоевский считает эту способность ко всемирности, «всечеловечности», к чудесным перевоплощениям, вхождением русской души в души всех других народов.

Слабость нашего национального чувства, ныне столь роковая для нас, может быть, и зависит от этого чрезмерно напряженного чувства всемирности. У нас две родины, наша Русь и Европа; одну мы уже потеряли; что если потеряем и другую? Вот наш страх.

Первое и последнее слово Европы о большевизме – «невмешательство». Россия лежит, как тяжело больной, без сознания, без памяти; сама не может встать. А Европа говорит: «Не тревожьте больного, не приводите в чувство, не подымайте, не вмешивайтесь в русские дела».

Это одно из двух: или бездонное невежество, или бесстыдная ложь.

Тут, в самом понятии «вмешательство», положение дел извращено в корне. Речь идет вовсе не о том, чтобы Европе вмешиваться в русские дела, а о том, чтобы России не вмешиваться в дела европейские. Ведь, главная сущность русского большевизма и есть воля к такому вмешательству, воля ко «всемирной революции». Русский большевизм значит Интернационал, а Интернационалом решаются дела не только России, но и всей Европы. Те, кто говорят о «невмешательстве», поддерживают русский большевизм, как орудие Интернационала, т. е. поддерживают вмешательство России в дела Европы.

Хитрый план «невмешательства» еще недавно сводился к тому, чтобы задушить

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org

Россию железным кольцом блокады, окружить чумной дождью, пока в нем вымрут все. План оказался недействительным: железное кольцо прорвано. И вот придуман другой план, еще более хитрый: задушить Россию не железом войны, а подушкой мира.

О мире с большевиками говорить трудно. Как, в самом деле, говорить о том, что совершенно непонятно, потому что совершенно безумно? Признав Советскую власть, подписав мир с большевиками, Европа подписала бы себе смертный приговор, одним ударом ножа убила бы себя и Россию.

Для тех, кто знает, что такое русский большевизм, не может быть сомнения в том, что мир с большевиками означает неминуемую мировую катастрофу, нечто, в самом деле, подобное «кончине мира», апокалипсическому «царству Зверя».

Мировая война слишком глубоко вдвинула Россию в Европу, чтобы можно было их разделить. Должно учесть, как следует, безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества. Во всяком случае, безумно надеяться, что зазявшую под Россией бездну можно окружить загородкою и что бездна эта не втянет в себя и другие народы. Мы – первые, но не последние.

Большевизм, дитя мировой войны, так же как эта война, – только следствие глубочайшего духовного кризиса всей европейской культуры. Наша русская беда – только часть беды всемирной.

Если бы житель иной планеты спросил у нас, что сейчас происходит с земным человечеством, то мы могли бы ответить тремя словами: люди забыли Бога.

О Боге с современными европейцами говорить трудно. Именно здесь, в безбожии, друзья и враги большевизма сходятся. В обоих станах – один и тот же лакей Смердяков, твердо знающий, что нет Бога. Лакей Смердяков знает это не только вместе с большевиками, но и с «буржуями». Из всех буржуиных бездарностей это главная: общая с большевиками метафизика. Ллойд Джордж бранится с Лениным, но милые бранятся – только тешатся. Буржуй – большевик наизнанку; большевик – буржуй наизнанку. Не потому ли борьба Европы с большевиками – такая бессильная и бесчестная.

С современными европейцами трудно говорить о религии вообще, а о христианстве – особенно. Для них давно уже христианство – «миф». Но по слову Чаадаева: «Европа, что бы ни говорила и ни делала, все еще тождественна христианству». Христианство – начало Европы, и конец христианства – конец Европы. Можно бы сказать европейцам: для вас христианство «миф»? Берегитесь, как бы вам самим не сделаться мифом!

Европа все еще тождественна христианству, потому метафизическая основа обоих все еще одна: абсолютная мера человеческой личности – Личность Божественная, Абсолютная Личность – Христос. Если нет Христа, то нет христианства, нет и всей христианской Европы – ни Готики, ни Ренессанса, ни Реформации, ни Революции, ибо все это лишь восходящие ступени человеческой личности. Провал личности – провал всех ступеней, всей европейской христианской истории. Нет истории, нет прошлого; там, где оно было, – пустое место, «гладкая доска», как и поется в «Интернационале».

Du passe faisons table rase.

Сделаем гладкую доску из прошлого.

«Глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства, и в эти пустоты проваливается все», – говорит В. В. Розанов в предсмертной книге своей «Апокалипсис нашего времени».

Розанов, конечно, прав. Отнюдь не политическим и не социальным, а только религиозным светом можно осветить эти «колоссальные пустоты», понять всю безбрежность того, что сейчас происходит с Россией. Нам кажется, что с Россией происходит небывалое; нет, не только с Россией, но и со всем человечеством.

Кто стоит сейчас на вершине христианских веков, на верхней ступени культурной лестницы? Не рыцарь Готики, не художник Ренессанса, не гуманист Реформации, не гражданин Революции, не «святой мещанин», создавший Европу, «землю святых чудес», а мещанин окаянный, окаянный «буржуй», почти такой же дикий варвар, как большевики. Мировая война обнажила эту буржуйную дикость

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
и варварство.

Буржуй с большевиками согласился в главном – в отрицании Христа – Абсолютной Личности, т. е. в ниспровержении того, на чем построена вся восходящая лестница культурных ценностей. И вот, взобравшись на верхнюю ступень, он вдруг почувствовал, что под ним шатается вся лестница. «Провалишься», – кричат большевики; а буржуй все еще храбрится, делает вид, что крепко держится, но про себя уже знает, что весь провалился. Весь буржуй – собственник. А что такое собственность? Если не экономическая проекция метафизического понятия личности – «где я, там и мое», – то грабеж – и тогда: «грабь награбленное», – буржую на это по существу возразить нечего: он провалился весь.

Согласившись с большевиками в главном, в метафизике, буржуй и во всем остальном соглашается. Из метафизического согласия – политическое «соглашательство» – вплоть до «торговых сношений с Советской Россией», до «признания Советской власти» и до мира с большевиками – смертного приговора буржуя себе самому. Ибо, как ни прост буржуй, – прост, хотя и животное хитер, – он все-таки знает, что большевики в конце концов его сожрут. Зачем же он сам лезет к ним в пасть? Или хочет быть сожранным? Устал быть, хочет не быть?

Да, последняя тайна у большевиков и буржуев – одна: воля к небытию. Христианство есть воля к бытию, ко Христу – Абсолютной Личности. «Я есмь» – основа бытия. Большевизм есть воля к Абсолютной Безличности, к небытию. Но не та же ли воля у буржуя? Не последнее ли слово европейского разума – философия Шопенгауэра – буддийская мудрость небытия, безличности? А за нею – конец разума – безумие личности, безумие нищие – «Антихриста». И не потому ли вся Европа к большевизму тянется, что у обоих одна и та же воля к Антихристу?

«Один гад съест другую гадину», – говорит Иван Федорович Карамазов о лакее Смердякове, отцеубийце, и об отце своем Федоре Павловиче. Мы все сейчас, как Иван Карамазов, – между двумя гадами, буржуйным и большевистским. Нам нужно сделать выбор между ними. Но гады так схожи, что почти не различишь. Большевистский – хочет быть красным, буржуйный – белым; но оба только пестрые, пятнистые: белый – с красными, красный – с белыми пятнами. И сплетаются в противоестественной похоти – во «всемирной революции», или всемирном мошенничестве, «вандерлиповых концессиях», – тоже не различишь. Сплелись, свились; ласкаются, кусаются. Кто кого пожрет? никто. Но из двух гадов будет один, – один Зверь: он-то и пожрет нас всех. Какой же это зверь? Я мог бы сказать, какой, но вы все равно не поверите.

Русские антисемиты-черносотенцы уверяют, что в пользу большевиков существует всемирный «жидо-масонский заговор». Название глупо, но суть дела не так глупа, как это может казаться. Существует не «жидо-масонский», а более страшный, невидимый, метафизический, буржуйно-большевистский заговор против всего христианского человечества, против Креста за Пентаграмму.

Опомнится ли Европа? Вернется ли для борьбы с большевизмом к христианским началам своим? Выкует ли единственное оружие победоносное для войны с Пентаграммой – Меч-Крест? Будет ли Европа не окаянно-буржуйною и не большевистскою, а иною, Третьей?

Что может Третья Россия дать Европе материально, экономически, – это всем понятно; но духовно, культурно, – что могли бы дать Европе русские варвары? Не то же ли, что варвары давали всем культурам, всем людям интеллекта – люди интуиции? Не то же ли, что Риму, не только языческому, но и христианскому, дали христианские варвары: огонь религиозной воли, раскаляющий докрасна, добела: чтобы расплавить на Европе скорлупу антихристову, окаянно-буржуйную, нужен именно такой огонь.

Но если все народы забыли сейчас о Боге, то русский народ не больше ли всех? Да, больше всех, но не так как все, – иначе.

Достоевский в «Дневнике писателя» рассказывает о двух деревенских парнях, заспоривших, кто кого дерзостнее сделает; один велел другому причаститься в церкви, но не проглотить причастие, а отойти, вынуть тихонько рукой и спрятать. Тот так и сделал; тогда первый повел его прямо из церкви в огород; взял жердь, воткнул в землю, велел положить причастие на жердь, принести ружье, зарядить и выстрелить. Тот поднял ружье и прицелился, как

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
внезапно упал в бесчувствии: «Вдруг передо мною как есть крест, а на нем распятый».

Весь русский народ сейчас – как этот парень. Не предстанет ли и ему «неимоверное видение распятого»?

Если большевизм – не только политика, но и религия – религия дьявола, то и победа над большевизмом должна быть победой Бога над дьяволом. Это значит: существо Третьей России должно быть религиозным.

Нет никакого сомнения в том, что хозяином освобожденной от большевиков России будет русский крестьянин, мелкий земельный собственник, мелкий буржуй. Но повторит ли он европейского буржуа окаянного? Если да, то большевики правы: дни Европы сочтены, круг ее замкнут в повторениях бессмысленных. Но история бессмысленно не повторяется. Русский буржуй, чтобы оправдать свое существование, должен прибавить к европейскому что-то новое. Что же именно?

Европа, чтобы ни говорила и ни делала, все еще тождественна не только христианству, но и революции – величайшему откровению христианства после Христа. Изменив христианскому началу революции, утвердив свободу против Бога, против Христа – Абсолютной Личности, Европа провалилась в буржуизм окаянное, в капитализм, безличную собственность.

И русская революция, приняв от Европы ту же свободу антихристову, провалилась в большевизм – безличное равенство. Чтобы выйти из этого провала, Россия должна сделать то, что Европа не сделала, раскрыть не только политическое и социальное, но и религиозное содержание Революции, утвердить свободу со Христом – Абсолютною Личностью. Проблему социального равенства, задачу, заданную людям Богом, в большевизме решает дьявол «борьбой классов», «гражданской войною», братоубийством, как единственной социальной динамикой. Ту же проблему Третья Россия должна решить не войною, а миром, не братоубийством, а братством, не разделением, а соединением классов, обществ, государств, народов в союз всечеловеческий, в Интернационал Белый, революционно-преображенно-молниеносно-белый, – в Церковь Христову Вселенскую.

Вот что должен сделать для Европы хозяин Третьей России, русский «буржуй», не окаянный, а святой, русский крестьянин-христианин, ибо русское крестьянство, что бы ни говорило и ни делало, все еще христианству тождественно.

Но не в первом и втором христианстве, не в православии и не в католичестве, а только в Христианстве Третьем, в «Третьем Завете», предсказанном от Мицкевича до Ибсена, всеми пророками святой Европы, «земли святых чудес», – только в Третьем Завете соединится Третья Россия с Третьей Европой. И в этом соединении вспыхнет всемирная революция, которая победит буржуйно-большевистскую всемирную реакцию, вспыхнет «трижды светящий свет» – Свобода, Равенство, Братство.

Если будет Третья Европа, то недаром именно Франция сейчас, в своей непримиримости к большевикам – одна против всей Европы. Или нигде, или здесь, во Франции, в святой земле Революции, «величайшего откровения христианства после Христа», в земле «света трижды светящего» – Свободы, Равенства, Братства, – здесь, во Франции, начнется Третья Европа, преображенно-революционно-молниеносно-белая. Вот почему именно здесь, во Франции, здесь, в Париже, я говорю с вами о союзе Третьей России с Третьей Европой.

Я говорю не всем европейцам, а только французам: не милости мы просим у вас, а требуем верности общему делу. Мировая война не кончилась: гражданская война в России – продолжение, усиление этой войны – ее жарчайшее полыхание. На бумаге наш союз с вами расторгнут, но не на деле. Мы требуем верности святому союзу военному и еще более святому союзу мирному. Мы требуем, чтобы вы спасали не нас, а себя от тройного царства Дьявола, апокалипсического «царства Зверя».

Это я говорю французам, а остальным европейцам вот что.

Страшна ли вам Россия красная? Нет, не очень? Ну, так погодите, страшнее будет – белая.

Железо, раскаляемое в горне, говорит огню: «Довольно, я уже красно». А огонь отвечает: «Погоди, будешь белым». Горн Божий раскалил Россию докрасна; раскалит и добела. Россия красная вас не жжет, европейцы; погодите, обожжет – белая.

Народам иногда прощается глупость, а иногда и подлость; но глупость и подлость вместе – никогда. То, что вы с нами делаете, – подло и глупо вместе. Это вам никогда не простится. Я знаю, вы скажете: «Не мы, а вы сами это сделали». Да, мы, но и вы. Если бы вы большевиков не поддерживали, – их бы давно уже не было.

«Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Не мы их разобьем, а вы сами, – сами себе отомстите за то, что с нами сделали.

Вы захотели устроиться так, как будто нет России. И вот устроились, основались на землетрясении, а землетрясение, – оттого, что ось земли сдвинута тяжестью России «несуществующей».

Нам, русским, уже нечего терять и бояться нечего: лучше все, чем то, что сейчас. Если разразится мировая катастрофа, – мы можем надеяться, что выйдем из нее первые, и, когда вы, европейцы, только начнете болеть, мы уже исцелимся. Во время землетрясений деревянные постройки меньше страдают, чем каменные: ужасен был развал деревянной России; каков же будет развал Европы каменной!

Но да не будет этого. Мы не бежали бы из России в Европу, если бы не надеялись, что это может не быть. Горчайшую из всех судеб человеческих – судьбу изгнанников – мы для того и приняли, чтобы это сказать.

С изгнанническим посохом в руках, путями горькими до смертной горечи, через бесконечные дали чужбины, мы идем к Отчеству, к России будущей. Мы говорим: России нет, – да будет Россия. На путях изгнания каждый шаг наш, каждый стон, каждый вздох пусть говорит: да будет Россия!

Вся земля, – как женщина в муках родов. По слову пророка: «Младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить». Это везде сейчас, но в России больше, чем где-либо.

Все человечество под ношею крестною. Но на России сейчас – самый острый край креста, самый режущий.

Глубина страдания неутоленного – глубина чаши ненаполненной. Никогда еще не подымало к Богу человечество такой глубокой чаши. И эта чаша – Россия.

Россия гибнущая, может быть, ближе к спасению, чем народы спасающиеся; распятая – ближе к воскресению, чем распинающие.

Пусть вера наша в Россию есть вера в чудо. Вера творит чудеса. Чудо сотворит и наша вера: России нет – Россия будет.

Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, – знайте!
И близко ее воскресенье.
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА. 1919–1920[3]

Из книги «Царь и революция» («Le Tsar et la Revolution», D. Merejkowsky, Z. Hippus, D. Filosoffoff. 1907. Paris):

«С русской революцией, рано или поздно, придется столкнуться Европе, не тому или другому европейскому народу, а именно Европе, как целому, – с русской революцией или русской анархией, ибо что такое в настоящее время совершается в России, переход ли от одной государственной формы к другой, или выход из всех государственных форм в неизвестное, это сейчас решить трудно. Во всяком случае, уже и теперь ясно, что это игра опасная не только

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
для нас, русских, но и для вас, европейцев. С пристальным и тревожным вниманием следите вы за русской революцией – недостаточно все-таки тревожным, недостаточно пристальным: то, что у нас происходит, страшнее, чем кажется вам. Мы горим, в этом нет сомнения; но что мы одни будем гореть и вас не подожжем, так же ли это несомненно?

Все внешние события нашего переворота до мельчайших подробностей известны Европе; но внутренний смысл их от нее ускользает. Движущееся тело видит она, а не движущую душу русской революции. Душа ее, душа России, остается для Европы вечною загадкой...

...Русская революция – не только политика, но и религия, вот что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика. Вы судите по себе: вам кажется, что мы переживаем естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; пусть же перебесимся – все равно, выше головы своей не прыгнем, кончим тем же, чем вы: остепенимся, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся буржуазно-демократической лавочкою, вместо града Божьего: так было везде, так будет и у нас.

Пожалуй, и действительно, было бы так, если бы мы не были вы „наизнанку“, если бы не наша „трансцендентность“, заставляющая нас разбивать голову об стену, лететь „пятами вверх“. Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию. Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от православия...

...Но когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа зазаяет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности, не только конституционная монархия, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелетние громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясение, что все старые парламентские лавочки попадают, как карточные домики. Ни на одной из них русская революция не остановится. Но тогда на чем же, и что же далее? Прыжок в неизвестное, в „трансцендентное“, полет пятами вверх. Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Сознательный, эмпирический предел ее – социализм; бессознательный, мистический – анархия. Еще Бакунин предчувствовал, что окончательная революция будет не народною, а всемирною. Русская революция – всемирная.

Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас»...

Это было написано в 1907 году. Вы тогда не поверили – и сейчас не верите.

* * *

Чем вы спокойнее, тем страшнее нам.

* * *

Когда мы с вами говорим, то все слова как в подушку.

* * *

Большевизм – труп войны. Всемирною была война, и труп ее всемирен.

* * *

Как ни страшно то, что с нами было, мы не хотим, чтобы этого не было. Наш опыт – наша зрелость. А вы все еще дети: глядя на смерть, думаете: умрут все, только не я.

* * *

Не своею силою сильны большевики, а вашу слабостью. Они знают, чего хотят, а вы не знаете; они хотят все одного, а вы хотите каждый разного.

* * *

Положительную силу большевиков вы преувеличиваете, отрицательную – преуменьшаете: ничего не могут они создать, но все могут разрушить, растлить.

* * *

В России «немедленный социализм» – брак пятилетней девочки – растение.

* * *

«Я думаю, – говорит Достоевский, – самая коренная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого. Эту жажду страдания он, кажется, заражен искони веков... Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

* * *

В мире и в человеке два полюса: страдательный и действенный, жертвенный и героический, вечно женственный и вечно мужественный. В совершенном человеке – Богочеловеке – эти два полюса соединяются. Когда Сын обращен к Отцу, Он страдателен, жертвен, женствен: «Не моя, а Твоя да будет воля». Когда обращен к миру, – Он действен, героичен, мужествен: «Я победил мир».

* * *

В русском народе только один из двух полюсов – религиозная женственность.

* * *

В противоположность западному католическому христианству – мужественному – восточное, византийское – женственно. Православие на русский народ – женственность на женственность.

* * *

С византийским христианством принял русский народ и византийское язычество – самодержавие. В самодержавии – начало римской власти, римского мужества. Но как преломляется оно в женственной русской стихии? По Конст. Аксакову, сущность русской истории – «отречение, отрешивание от власти», религиозная анархия, осуществляемая в политической монархии. «Государство, – говорит Аксаков, – никогда у нас не обольщало собою народа; не хотел народ наш облечься в государственную власть, а отдавая эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желал держаться своих внутренних жизненных начал», то есть, женственных, жертвенных.

* * *

В самодержавии русский народ как бы выделяет из себя всю свою мужественность и отдает ее одному – самодержцу.

* * *

Вся русская мужественность сосредоточилась в царе. Пал царь – пала мужественность – осталась абсолютная женственность.

* * *

Абсолютная женственность – бессознательность. Вместо сознания – инстинкт. Религиозный инстинкт русского народа обманут православием и самодержавием. Царь от Бога; был царь, был Бог; не стало царя, и Бога не стало. Вот почему «переход в полный атеизм совершился до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой» (В. Розанов. «Апокалипсис нашего времени»). Раскрестились мгновенно.

* * *

Народ поклонился царю, как Богу; интеллигенция поклонилась народу, тоже как Богу. Безличный народ обожествил царя; одинокая личность обожествила безличный народ. Идолопоклонство, обожествление взаимное. Два разных кощунства – человекобожество и народобожество.

* * *

Иван Карамазов сказал: «Человек есть Бог». А Смердяков сделал себя Богом.

* * *

Когда народ стал Богом, то совершилось над ним то, что сказано о всяком человеке и соединении человеческом, которые становятся на место Божье: «Отнимется у него сердце человеческое, и дастся ему сердце звериное».

* * *

Страшен Царь-Зверь, но еще страшнее Зверь-Народ.

Русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила. Самодержавие царя – пирамида острием вверх: один поработает всех. Самодержавие народа – также пирамида, острием вниз: один поработается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова.

* * *

Религиозная идея самодержавия, та ось, на которой оно вертится – православие – осталась революцией нетронутой, непонятой. На этой оси пирамида самодержавия с легкостью опрокинулась, повернулась острием вниз; и восстановится, повернется острием вверх с такою же легкостью.

* * *

У царя Николая был Распутин, у царя-народа – Ленин. Тот – мужик; этот – интеллигент; тот блудник и пьяница; этот – скопец и трезвенник; тот – изувер с Богом; этот – без Бога. Как различны и подобны! Не в глазах, а во взоре, или только в возможности взора – один и тот же русский хмель, русский бес, черный Дионис; одно и то же безумие хлыстовских радений, все равно каких, монархических или анархических.

* * *

В последние дни царя Николая, стоило взглянуть в лицо Распутина, чтобы понять: это бред, наваждение; это не может длиться долго. И теперь, стоит взглянуть в лицо Ленина, чтобы понять: это долго длиться не может: второй Распутин падет, и начнется вторая революция, – нет, не вторая, а первая – все та же единственная, не оконченная, а только задержанная, заваленная не растаявшей ледяной глыбой опрокинутого самодержавия – Октябрьской контрреволюцией.

* * *

Грядущий Хам узнается по дурному запаху. Это шутка? Нет, эстетика не шутка, а проникновение в сердце вещей. Некрасота, антиэстетика русской «социалистической революции» – злоеший знак. Жизнь прекрасна; все живое цветет и благоухает; только мертвое тлеет и смердит.

* * *

Как благоуханны наши февраль и март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горные! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее.

* * *

Малые-малые, серые-серые, неразличимые, неисчислимы, насекомоподобные. Не люди, а тли.

* * *

По-славянски «тля», а по-русски то насекомое, от которого – сыпной тиф, природная болезнь нашего «социалистического отечества». Петроградская Коммуна собирает мыть народ в бане насильно, как моят маленьких детей.

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org

Тысячу лет народ сам шел в баню, а теперь и палкой не загонишь. Полюбил нечисть. В «Войне и мире» Пьер Безухов, после пожара Москвы, во французском плену, до того опростился, что полюбил вшей: «Вши, евшие его, согревали его тело», говорит Толстой. Вот откуда эта социалистическая тля. Не враг опустошает, не чужой зверь жрет, а своя родная тля тлит Россию.

* * *

В гербе самодержавия царского св. Георгий Победоносец, пронзающий копьем крылатую тлю. А в герб самодержавия народного – бескрылая Победоносная Тля.

* * *

Самое страшное в страшном сне нельзя рассказать, почти вспомнить нельзя. Так мы не можем рассказать того, что сейчас происходит в России: уже почти не помним.

* * *

Идучи по петербургским улицам и вглядываясь в лица, сразу узнаешь: вот коммунист. Не хищная сытость, не зверская тупость – главное в этом лице, а скука, трансцендентная скука «рая земного», «царства Антихриста».

* * *

В Петербурге давно уже все фабрики стали, трубы не дымят. Небо над умирающим городом – ясное, бледно-зеленое, как над горными вершинами. На улицах снег – девственно-белый, как в поле. Все лавки закрыты; прохожих мало; езды почти никакой – только редкие автомобили с комиссарами, да грузовики с красноармейцами. По середине улицы – лошадиная падаль с обнаженными ребрами; собаки рвут клочья кровавого мяса. На мохнатых лошаденках едут башкиры, желтолицые, косоглазые; поют заунывную, дикуую песнь, ту же что пели в солончаковых степях Средней Азии.

* * *

К голоду легче привыкнуть, чем думают. Мы питались полгода мерзлым картофелем, кислой капустой да черным хлебом с соломой, – и ничего, привыкли. Даже чувствовали ту легкость, окрыленность духа, о которой говорят христианские подвижники. Никогда так вкусно не ели: два кусочка сахара с коркой черного хлеба – целое пиршество.

* * *

Страх голода страшнее самого голода. Мы продали все, что могли – платья, мебель, посуду, книги – и предвидели, что скоро продавать будет нечего. Когда фунт хлеба – 300 рублей, а фунт масла – 3000, – никаких денег не хватит, и голодная смерть глядит в глаза.

* * *

Великий русский писатель Василий Васильевич Розанов умер от страха голода. Перед смертью подбирал окурки папирос на улицах.

* * *

Холод мучительнее голода. Добрый чиновник из комиссариата внутренних дел прислал нам немного дров из крематория; обещал также прислать из кладбищенских роц, которые будут рубить на дрова. Но этих мертвецких дров нам не хватало. Кое-как отапливали две-три комнаты; остальные заперли. Сидели в шубах. Глядя на библиотеку, утешался мыслью, что можно будет топить сначала полками, а потом книгами.

* * *

В Москве водопроводы стали. Уборные заперты, и запрещено ходить в них, под страхом «расстрела». Больные ходят на чердак, а здоровые – на двор. На дворах – горы нечистот замерзших. Вывозить некому и некуда. К весне растают.

* * *

Замерзшие водопроводные трубы лопаются; стены домов разрушаются. Еще две-три таких зимы, – и от русских городов останутся одни развалины.

* * *

Может ли Россия прожить без городов? Отчего же нет? Россия – деревня; деревня не любит города: «Довольно кровушки нашей попили, проживем и без вас!» И проживут. Одичают, озвереют, обовшивеют, но проживут и будут сыты. Когда мозг поражен, человек впадает в идиотизм. Но идиоты живут иногда очень долго и здоровеют, жиреют. Что если русский народ превратится в такого идиота, жирного, «белоглазого», чей зловещий образ так пугал знатока русской деревни, Ив. Бунина? Не утвердится ли коммунистический рай на плечах этого идиота, как небо на плечах Атласа?

* * *

«Что такое Россия? Ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек». Слова, сказанные К. П. Победоносцевым.

* * *

По двадцатиградусному морозу, за пятнадцать верст гоняют на окопные работы семнадцатилетних курсисток и старых профессоров-академиков. Горький возмутился, написал Ленину; просит, чтобы этого не делали. Как будто не сам Горький с Лениным это сделали.

* * *

Ленин – самодержавец, Горький – первосвященник. Он – в такой же ласковой оппозиции к Ленину, как Суворин – к Николаю II. У Горького и Суворина – одно и то же лицо, на все готовое: «Чего изволите?» У обоих в душе – один и тот же провал в пустоту, в нигилизм, в «босячество». Оба – великие блудники или, вернее, блудницы. Абсолютная русская женственность, абсолютная проституция.

* * *

Горький основал многомиллионное издательство русских переводов европейских классиков, «Всемирную литературу» – богадельню для умирающих от голода русских писателей. Плата за печатный лист в 40000 букв – 300 ленинок, 3 царских копейки – фунт хлеба. Достаточно для медленной смерти от голода.

* * *

Спекулянт Гржебин, стоящий за спиной Горького, скупает за гроши всю русскую литературу. В паутине этого паука все русские писатели бьются, как мухи.

* * *

В Москве изобрели новую смертную казнь: сажают человека в мешок, наполненный вшами, и вши заедают его до смерти. В такой мешок посадил Горький душу России. А Европа гадает: возможна или невозможна постепенная эволюция от вшивого мешка к правому порядку.

* * *

Палачи-китайцы продают на рынках вместо телятины мясо расстрелянных. Может быть, это легенда. Но несомненный факт, рассказанный мне очевидцем, что в петербургском Институте экспериментальной медицины бульон для разводки бактерий изготавливают из пропускаемой сквозь мясорубку человеческой печени. А Европа гадает, возможна или невозможна постепенная эволюция от человеческой мясорубки к свободе, равенству и братству?

* * *

Среди русских коммунистов – не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти «святые». Они-то – самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них «китайским мясом».

* * *

Все лето 1919 года прошло в «пытке надеждой». Освобождения ждали мы со дня на день, с часу на час. Когда при наступлении Юденича приближались глухие звуки пушечных выстрелов, мы прислушивались к ним, как погребенные заживо – к стуку в крышку гроба. Люди обезумели: видели разезды белых на Забалканском проспекте; когда раздавалась военная музыка, вскакивали утром с постелей и кидались к окнам, думая, что это первые отряды освободителей. Глядя на аэропланы белых, смеялись и плакали.

Но выстрелы, постепенно удаляясь, наконец, умолкли. И мы перестали ждать: поняли, что в гробовую крышку стучали, потому что заколачивали гроб.

* * *

Тогда же поняли мы, что мир будет заключен, и мнимое «невмешательство» Европы в русские дела окажется действительным вмешательством в пользу большевиков. То, что тогда Европа сделала с Россией, никогда не простится. Не мы – вам, а вы сами себе не простите.

* * *

В чем смысл мировой войны? В торжестве права над силой. Но, заключив мир с большевиками, Европа признает такое торжество силы над правом, какого еще никогда на земле не бывало, и тем уничтожит смысл мировой войны.

* * *

Перед нашими окнами, посередине улицы, выросла густая зеленая трава. В тихие летние дни ветер шелестит в траве и уносит прозрачный пух одуванчиков...

* * *

Смотрю на голубое небо, как сквозь решетку тюремную. Вся Россия – тюрьма: чувство это не покидало меня в течение двух с половиной лет ни на одну минуту.

* * *

Против наших окон – Дом инвалидов. Днем и ночью доносятся оттуда однообразно-унылые звуки гармоники. Когда я долго прислушиваюсь к ним, мне кажется, что я давно умер, время кончилось, и наступила вечность. Как в Апокалипсисе: «Клялся ангел живущим во веки, что времени больше не будет». Скука, премирная неземная скука рая земного, царства Антихриста.

* * *

Я подал заявление в Петроградский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, что желаю по болезни уехать за границу. Получил ответ: «Не выпускать ни в коем случае». С безграничной властью над полуторастами миллионов рабов люди эти боятся одного лишнего свободного голоса в Европе. Замучают, убьют, но не выпустят.

* * *

Мой разговор с тем добрым комиссаром, который прислал мне дров:

- Если не выпустят, я перейду фронт.
- Не советую.
- Расстреляют?
- Да, могут.
- А вы дайте, такую бумажку, чтобы не расстреляли.
- Это не в нашей власти. Дело военное: поймут, примут за шпиона и поставят к стенке.
- Так как же быть?

- Зачем вам уезжать за границу? Оставайтесь в России.
- Я здесь умру от холода и голода. Да и делать нечего, – с ума сойду от скуки.
- Мы вам все дадим, только работайте, пишите, читайте лекции.
- Я не коммунист.
- Никто от вас коммунизма не требует. Общей культурной работы в России много.

Я вспомнил «Всемирную литературу» Горького – «вшивый мешок» – и ничего не ответил.

* * *

Мне предложили произнести речь в день годовщины 14 декабря 1825 года, на торжественном празднике, в Зимнем дворце, в Белом Зале с колоннами. Я должен был прославлять мучеников русской свободы перед лицом свободоубийц. Если бы те пять повешенных воскресли, – их повесили бы снова, при Ленине, так же, как при Николае Первом.

О, петли Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!
Вот что я должен был сказать, а отказа говорить мне никогда не простили бы.
Я это знал, и они знали.

* * *

В тишине бессонных ночей я взвешивал две одинаково страшных возможности-невозможности. Жизнь в России – умирание телесное или духовное, – растление, оподление; а побег – почти самоубийство – спуск из тюремного окна с головокружительной высоты на полотенцах связанных. И как бежать, оставив близких? Что лучше, погигать со всеми или спастись одному? Сделать выбор, взвесить его на весах внутренних, решить побег, – может быть, было труднее, чем бежать.

* * *

Для древних изгнание было почти то же, что смерть. Мы уже тогда предвкушали ту горечь смертную, которую ныне пьем полною чашею. Вы, оставшиеся, не завидуйте нам!

* * *

Старушка няня, когда я сказал ей о побеге, молча заплакала; и собачка Афик, наш многолетний друг, глядя умными глазами на нее и на меня, завывала жалобно: как будто обе провожали меня на смерть.

* * *

Полтора года готовились мы к побегу. Три раза все уже было готово и только в последнюю минуту срывалось. Сначала хотели бежать через Финляндский фронт, потом через Латышский и, наконец, через Польский. В последнее время многие знали о нашем намерении, слухи ходили по городу, и мы жили под вечным страхом доноса. Каких трудов, унижений, обманов, хитростей стоила бумажка на выезд из Петербурга – мандат на чтение просветительных лекций в красноармейских частях!

* * *

Мы знали, что за границей ленинки превратятся в пыль, и мы будем нищие, голые на голой земле. Но белья и платья нельзя было взять больше, чем каждый мог снести в ручном тюке или чемодане. Как мучительно мы втискивали вещи; как сомневались, что предпочесть – лишнюю пару сапог или драгоценную рукопись; с какою воровскою ловкостью зашивали деньги в подкладку платий и чемоданов!

* * *

Дня за три до отъезда сделался мороз в 27 градусов, а мы не знали, топят ли вагоны. И невозможно было откладывать.

* * *

Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях, нанятых за 2000 рублей, мы поехали на Царскосельский вокзал. На вокзале – последний митинг с речами коммунистов, с концертом оперных певичек и заунывным пением Интернационала. Перед третьим звонком носильщик, нанятый за 1000 рублей, покинул нас в озверелой толпе ломившихся в поезд красноармейцев и мешочников. Мы не могли снести вещей: надо было или бросить их, или самим остаться. Двое спутников наших уже влезли в вагон, и толпа отрезала их от нас. Наконец, кто-то помог. Мы тоже втиснулись. Коридор был набит красноармейцами, завален сундуками и мешками. В купе для четырех было четырнадцать человек и такой воздух, что одному из нас сделалось дурно.

* * *

Трое суток от Петербурга до Х. – сплошной бред. Налеты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, песни, ругань, споры, почти драки из-за мест, духота, тьма, вонь, ощущение ползающих по телу насекомых... Лучше не вспоминать.

* * *

Х. – прифронтовой городок – большая деревня. Половина жителей – в сыпном тифу. Мы остановились в еврейской корчме – четверо в одной комнате, за 1000 рублей в сутки. Наш хозяин, контрабандист, грабил нас бессовестно, потому что знал, для чего мы приехали. В Х. – целое общество контрабандистов, которое переправляет за фронт не только товары, но и буржуев. Мы имели хорошие рекомендации из Петербурга, и нам легко было уговориться. Обещали переправить на г. N за 20000 рублей. Мы наняли извозчиков, но те обманули, не приехали. Страшно было, как бы не донесли.

* * *

Вывесили шубы на мороз, прокипятили белье, чтобы избавиться от вшей. У З. Н. сделался жар. Я боялся, что будет сыпной тиф. Ночью больная бредила, что влезает на головокружительную лестницу со ступенями такими высокими, что никак не влезешь, а лезть надо – иначе сорвешься и упадешь назад, в пропасть; а на самом верху лестницы – исполинская, белая вошь.

* * *

– Какая покинутость! Какая покинутость! – шептала больная.

Никогда не забуду я этого шепота. Вся тоска изгнания – в двух словах.

* * *

Русский извозчик обманул, латыш оказался честнее – приехал. Подул юго-западный ветер, мороз полегчал. Мы закутались, легли в низкие розвальни и ранним, еще темным утром, поехали с осторожностью, чтобы не наткнуться на красноармейский разъезд, по широким и пустынным улицам, мимо спящих домиков. Когда благополучно миновали заставу и в необозримом снежном поле вольный ветер повеял в лицо, и потом в сосновом бору, когда запахло смолой в оттепельном воздухе, – я почувствовал такую радость, что казалось, стоило отдать за нее жизнь. Тогда только понял я, что не ошибся в выборе – сделал то, что надо: умереть, но быть свободным.

* * *

Глухими лесными дорогами, а иногда и совсем без дорог, целиною по снежному насту пробирались мы в деревню – крайний пункт, ближайший к польскому фронту. В Z. латыш передал нас поляку-контрабандисту, который тоже переправлял беглецов через фронт. У поляка остановились мы на ночлег. Этот придурковатый малый, с испуганно-растерянным лицом, казался нам не очень надежным. Вечером отправился он на разведку и, вернувшись поздно ночью, объявил, что ехать опасно: по дорогам – заставы; но и ждать опасно: по

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
всему местечку – облавы и обыски. Мы решили ехать.

* * *

Когда минуя последнюю хату на выезде, где могла быть застава, извозчик боязливо повернул к ней голову, – мы тоже на нее взглянули: не затеплится ли в темных окнах огонек, не выскочат ли из ворот люди с винтовками? Мы знали, что, если попадемся, лучше мгновенный расстрел, чем медленная пытка с издевательством. Слава Богу, проехали! При слабом свете звезд, в темном снежном поле, опять закружили целиною, без дорог, иногда проваливаясь в снег, объезжая две последние заставы на N-ском шляхе. Наконец, и их миновали. Поехали по лесу, такую узкую тропю, что оснеженные сосны и ели задевали нас по лицу пушистыми, белыми лапами.

* * *

Еще одна, последняя деревня. Когда толпа крестьян окружила нас у околицы, сердце у меня упало. Что если крикнут: «Стой!» Но посмотрели молча, с любопытством, и пропустили. Мы узнали потом, что недавно, в этой самой деревне, крестьяне убили и ограбили несколько беженцев.

* * *

Голая снежная степь. N-ский шлях. Телеграфные столбы с уныло гудящей проволокой. Ледяной ветер, как ножами режущий. Чтобы не замерзнуть, мы легли на дно саней и с головой закутались. Вдруг, на самом краю белой равнины, замелькали черные точки: польский фронт.

- Кто вы?
- Русские беженцы.
- Откуда?
- Из Петрограда.
- Куда?
- В Варшаву, Париж, Лондон.

Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого.

* * *

Здесь в изгнании, – тот же крест, как там, в России: мы только переложили его с плеча на плечо.

* * *

Россия – наша земля, наше тело. Без земли – без тела. Наша любовь к России неутолимая – неутолимая жажда облечься в новое тело, в новую землю.

* * *

На ниву Божью, вспаханную плугом войны народов братоубийственной, мы русские изгнанники, бестелесные духи всемирности, падем, как семена сева Божьего, грядущего братства народов.

* * *

Наша любовь к России – не только любовь, но и влюбленность. Россия – Мать и Невеста, Мать и Возлюбленная вместе.

* * *

Для нас не простая случайность, а благословенный дар судьбы, дар Промысла Божьего – то, что мы сейчас в Польше, земле мессианизма, земле всемирности.

* * *

Не помню, где я читал или слышал легенду.

Накануне раздела, распятия Польши, Мать Божия Остробрамская, темным утром, до зари, ходила по литовским полям и скорбела, и плакала. Слезы Ее падали росой на землю, и цветок вырос из этой росы божественной. Имя цветка – «Сердце Польши» – мессианизм польский.

И накануне гибели России, русская Мать Божья, Всех Скорбящих Мать ходила по русским полям и скорбела, и плакала. И так же из слез Ее вырос цветок. Имя цветка – «Сердце России» – мессианизм русский. Оба цветка одинаковы: в них – золотое сердце единое.

Мир гибнет сейчас от вражды народов братоубийственной. Такой вражды, как между двумя народами-братьями, русским и польским, никогда еще не бывало. Но когда эта вражда утолится, эти два народа соединятся, то золотое сердце их как цветок откроется и озарит, как солнце, все человечество.

* * *

Что означает мировая катастрофа, переживаемая ныне человечеством, – разрушение Европы, политическое, экономическое, социальное, культурное? Почему в мировой войне нет побежденных, нет победителей? Почему победа злее поражения?

Русский большевизм и польский мессианизм отвечают на эти вопросы как будто одинаково: из категории бытия национального человечество должно неизбежно, под угрозой гибели, перейти в иную категорию, высшую, бытия всемирного. Некогда, в национальных формах бытия своего, народы жили и росли свободно; теперь умирают в них, задыхаются. Некогда пелены колыбельные, формы эти становятся ныне пеленами смертными. Человечество или сойдет в них в могилу, чтобы истлеть, или сбросит их, как Лазарь воскресающий.

* * *

Требование бытия всемирного в русском большевизме и польском мессианизме сходно по внешности. Но, при внешнем сходстве, тут внутренняя противоположность глубочайшая.

Русский большевизм утверждает равенство без свободы, потому что не может разрешить антиномию свободы и равенства. В самом деле, антиномия эта неразрешима в порядке мышления рационального. Здесь личность (точнее, «особь») поглощается обществом (точнее, «государством»), Один – Всеми, Свобода – Равенством – до истребления, уничтожения абсолютного.

Антиномия эта разрешается только в порядке мышления религиозного: тезис – Я, Личность, Свобода – и антитезис – Не-я, Общество, Равенство – соединяются в синтезе – в Братстве, Любви.

* * *

Всемирное соединение большевизм утверждает на ненависти. Что попытки таких соединений возможны, доказывает всемирная война международная и еще более всемирная, гражданская война – «борьба классов». Чем кончилась первая, мы уже знаем; может быть, скоро узнаем, чем вторая кончится.

Мессианизм утверждает всемирное соединение на любви. Попытка такого соединения никогда еще не делалась, потому что у человечества не было иной всемирности, кроме христианства, но и в христианстве любовь – начало только личное.

В мессианизме любовь есть начало личное и общественное вместе, царство Божие на земле, как на небе. Это новая заповедь любви – «заповедь новую даю вам», – соединение Свободы и Равенства в Братстве, Отца и Сына в Духе – Третий Завет.

* * *

Самое ужасное в гибели – бессмысленность. Ни за что погибла Россия? Нет, за вечную душу свою – за всемирность.

* * *

«Апокалипсис» – конец всемирной истории. Продолжения все еще хочет Европа: в этом слабость ее. Большевизм хочет конца: в этом сила его. В «Апокалипсис» не верит, но сам «апокалипсичен» насквозь.

* * *

Можно надеяться, что это еще не конец, и человечество выживет; но именно можно только надеяться.

* * *

Настоящий конец не совершится ли так же, как это подобие конца, – изнутри – сначала изнутри, а уже потом извне? И сейчас не повторяется ли на наших глазах исполинское видение Патмоса? Не издыхаем ли мы от страха бедствий, грядущих на вселенную? Не свивается ли наше внутреннее небо, как свиток? Не становится ли наше солнце, как кровь, и наша вода, как полынь? Не рушится ли наш Вавилон великий? И Багряный Зверь не выходит ли из бездны – из бездны наших сердец?

* * *

Центр мировой тяжести сейчас – в России. Европа погибнет или спасется не без России. Это и значит: мы потеряли все, кроме нашей всемирности.

* * *

Люди забыли Бога, – вот причина всего. Но кажется иногда, что и Бог забыл людей.

* * *

Если то, что сейчас происходит, зависит только от людей, то людям нет прощения. Но это не только от людей зависит. Люди должны что-то сделать, чтобы спастись; но не только люди.

* * *

Никогда? Нет, дважды было то, что сейчас: в начале, когда Бог извлек мир из хаоса; и в середине, когда Слово стало плотью. И вот сейчас то же, в конце – в том, чему еще нет имени.

* * *

Чашу Хаоса наполнил Космос. Чашу Космоса наполнил Логос. Чашу Логоса наполнил Дух.

* * *

Мы еще не знаем, чем будет явление Духа; но знаем, что будет, или снова мир погибнет в хаосе.

* * *

Спасение мира другие народы кончат, – Россия начнет.

Л. ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМ[4]

I

С кем Толстой? Оба стана, белый и красный, хотели бы иметь воду его на свою мельницу, и обоим кажется, что это легко. Нет, не легко.

Если мы желаем быть честнее наших врагов, то должны сказать прямо: во всех мерах – этике, эстетике, политике, метафизике – Толстой не с нами. В лучшем случае, он – между или над обоими станами.

Толстой – не с большевиками в этике, потому что у него – «непротивление злу», отрицание насилия абсолютное, а большевики – абсолютные насильники, – таково общее мнение. Но отрицание насилия отделяет Толстого от большевиков и от нас в одинаковой степени: ведь, и мы насилия не отрицаем, злу насильем

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
противимся. Весь вопрос в мере: у большевиков насилье безмерное, а мы его умеряем.

«Не вари козленка в молоке матери» (Законодательство Моисея). Никто никогда не ел с таким вкусом, как большевики, этого проклятого варева. Но ведь и мы козленка едим, только варим иначе. Толстой вообще не ест «убоины»; ему безразлично, как она сварена. Вопрос о мере насилья для него не существует. Во всяком случае, мерю нравственной мы не отделим его от большевиков и не привлечем к себе.

Социально, политически Толстой – «капиталист и помещик»; вся плоть его – старая плоть России. Но ведь и он калечит ее, ломает, убивает ее с такою же безоглядною яростью, как большевики. Ничего в этой плоти не пощадили они; не щадит и он. Всю Россию кинули, как сухое полено, в костер мировой революции. А Толстой не кинул бы, ужаснулся бы, понял бы, что Россия – тело Матери? В его сознании социально-политическом нет ничего, что позволило бы это сказать с уверенностью.

Но ближе всего к большевикам Толстой в эстетике и метафизике. Не в казенных пролеткультных вывесках, не в надувательских выкриках, а в существе дела, в той стихии народной, которая подняла и несет большевизм, – что он такое? Отрицание всякой культуры, как болезненной и противоестественной сложности, воля к упрощению, «опрощению», т. е., в последнем счете, метафизическая воля к дикости. Но ведь и весь толстовский гений – та же воля.

«В вас есть общая нам толстовская дикость. Недаром Федор Иванович татуировался», пишет граф Лев Николаевич тетке своей, Александре Андреевне Толстой.

Федор Иванович Толстой – знаменитый «американец», «алеут» Грибоедова, исполнивший на деле совет Ж.-Ж. Руссо, опростившийся до дикости.

То, что у предка было дурачеством, – у потомка сделалось мудростью. Толстовская «дикая» мудрость есть отрицание или, по крайней мере, обесценение всего условного, искусственного, созданного руками человека, т. е., в последнем счете, культурного, и утверждение всего простого, естественного, стихийного, дикого.

Вот камень на камне лежит первозданно, дико, – это хорошо; но вот камень на камень положен, – это уже не так хорошо; а вот камень с камнем скреплен железом или цементом, – это совсем плохо: тут что-то строится: все равно что – дворец, казарма, тюрьма, таможня, больница, бойня, церковь, публичный дом, академия; все, что строится – зло, или, по крайней мере, благо сомнительное. Первая толстовская «дикая» мысль, при виде какого бы то ни было строения, осложнения, возвышения, – упростить, снизить, сгладить, сломать, разрушить, так чтобы не осталось камня на камне, и опять все было бы дико, просто, плоско, гладко, чисто. Природа – чистота, простота; культура – сложность, нечисть. Вернуться к природе – смести нечисть, упростить сложность – уничтожить культуру.

Уничтожить старую культуру, чтобы создать новую, – говорят большевики. Но все, что они говорят, – вздор, надувательство или невежество, а то, что они делают, – подлинно. Надо им отдать справедливость: разрушать умеют; мир еще не видал таких разрушителей.

«Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust». – «Восторг разрушения есть восторг созидания»: это – бакунинское, ленинское, толстовское, пугачевское, разинское – вечнорусское. Если разрушение и есть созидание, то нечего бояться разрушения: только бы разрушить старое, а новое само создастся, вырастет. Созидание невольное, а в воле – разрушение беспредельное.

Мы думали Россия – дом; нет, шатер; шатер кочевник раскинул и вновь сложил – пошел дальше в степь. Голая, гладкая степь – родина скифов кочевников. Что ни зачернеет, ни замаячит в степи, хоть малую точку ни возвысится, – все будет сглажено, снижено, выжжено, растоптано скифским полчищем. Воля к шири, глади, голи, к физической равнинности, к метафизическому равенству – эта древняя скифская воля – одинакова в Аракчееве, Бакунине, Пугачеве, Разине, Ленине, Толстом. Уравниали, уладили Россию – уладят и Европу – уладят весь мир.

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
Просвещение русское уничтожили – уничтожат и всемирное. «Плоды просвещения», – усмехнулся Толстой вместе с Лениным, – и плоды завяли, – не только все «плоды просвещения», но и все плоды земли: земля не родит, и люди издыхают от голода.

Может ли русская «воля к дикости» сделаться волей всемирною? Может. В России – Толстой, в Европе – Руссо. Руссо и Толстой – в начале двух революций. А может быть, и одной, всемирной?

Возвращение от культуры к дикости есть движение вспять – реакция. Метафизическая реакция – исходная точка политической и социальной революции: вот где срыв в дикий Ужас – Террор и в реакцию.

От Руссо к Толстому – воля к дикости – растет и ширится, как вулканическая трещина, бездонный провал. Сейчас вся Европа, весь мир – на краю этой бездны.

Стихия безлична: противоположность культурного стихийному, «дикому», и есть противоположность личного безличному. Воля к дикости – воля к безличности. Вот почему Толстой уничтожает Наполеона, затмевает это солнце личности, как туча вод потопных затмевает солнце в небе. Вместо одного лучезарного Солнца – бесчисленные, малые, темные солнца – атомы, «круглые» Платоны Каратаевы, капли «вод многих» – того социального потопа, который едва не поглотил однажды и снова хочет поглотить весь мир. Наполеоново солнце разогнало первую тучу потопную; какое солнце разгонит вторую? Да сравнивает потоп все верхи и низы – такова воля Толстого и Ленина.

Некогда Руссо, а ныне Толстого впитала не только Россия, но и вся Европа, весь мир, как сухая земля – воды ливня потопного.

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал.

А троглодиты новые в культуре скрываются. Большевизм – дикость; но в культуре одичалые к диким тянутся: одичалая Европа – к русской дикости.

Большевизм – варварство; но усталая культура жаждет варварства, как задыхающийся жаждет воздуха.

Большевизм – зверство; но «когда я читаю Руссо, мне хочется стать на четвереньки и убежать в лес» (Вольтер). Глядя на большевиков, всей Европе захотелось в лес.

Большевизм – нагота; но «обнажимся и заголимся», предлагает Европа, как покойник в «Бобке» Достоевского.

Большевизм – чума; но вся Европа давно уже – «пир во время чумы».

Большевизм – конец мира; но мир хочет конца.

Большевизм – самоубийство Европы. Начал его Толстой, кончает Ленин.

II

Итак, правы большевики? Не с нами, а с ними Толстой, – таков последний вывод? Нет, не последний.

Политика, этика, эстетика, метафизика, – все эти меры для Толстого – не последние, не высшие. Высшая мера для него – религия. С кем Толстой, – этот вопрос решается только здесь, в религии. Только потому, что мы сами ушли от религии, ушел от нас и он; и пока мы к ней не вернемся, не вернется к нам и он.

«Непротивление злу насилием» – сомнительная истина в этике, но несомненная в религии. От большого насилия к меньшему – таков этический путь, а религиозная цель – отрицание насилия абсолютное. У большевиков – обратный путь и цель обратная: от меньшего насилия к большему – до абсолютного утверждения насилия. Вот почему варят они «козленка в молоке матери». Это не иная этика, а иная религия. Если мы это поймем, то Толстой будет с нами.

Старая плоть России для Толстого мертва в политике, но жива в религии. «Я себя не разделяю от бабы, верующей в „Пятницу“... Я признаю в ней истинную

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
веру, потому что знаю, что несообразность понятия „Пятницы“, как Бога, для нее не существует, и она смотрит во все свои глаза и больше видеть не может. Она смотрит туда куда надо, ищет Бога, и Бог найдет ее. И как я чувствую себя в полном согласии с искренно верующими из народа, так точно я чувствую себя в согласии с верою по церкви». Если мы это поймем, то поймем и то, почему Толстой не бросил бы, как полено, в костер мировой революции тело России Матери. Если мы это поймем, то Толстой будет с нами.

В метафизике Толстого «воля к дикости» – бездонный провал, конец всякой культуры, а в религии – конец культуры старой, начало новой.

Нет культуры без религии, как нет залежей теплоты солнечной – каменноугольной руды – без солнца. От культуры к религии – от каменноугольного жара к теплоте солнечной. Это не отрицание, а утверждение культуры высшее.

На яснополянском кургане, где Толстой играл в детстве, он основал «орден для спасения мира» и зарыл «зеленую палочку», веря, что, когда ее отроют, – наступит на земле царство Божие.

Если это – легенда, то глубочайшая сущность Толстого выражается в ней: детство, как царство Божие. «Если не обратитесь и не станете, как дети, не можете войти в царство небесное». Золотой век, детство мира – в прошлом? Нет, в будущем. Когда обратимся, станем как дети, поверим в чудо, то отроем «зеленую палочку» и наступит на земле царство Божие.

Это уже не метафизическая реакция, а религиозная революция, из всех революций величайшая. Потому-то и срывались все революции в бездонный Ужас, Террор, что за ними не было этой религии.

В политике Ленина – стальной рычаг разрушения беспредельного, а в религии Толстого – Зеленая Палочка, веточка с Древа Жизни, магический жезл беспредельного творчества. Вот почему не метафизическая ложь, а религиозное кощунство – соединять Толстого с Лениным. И опять если мы это поймем, Толстой будет с нами.

В метафизике Толстого – явная воля к безличности, а в религии – тайная воля к Лику Единому. Что воистину верил он в Единый Лик, о том свидетельствует гр. Александра Андреевна Толстая, которая знает веру его, как никто. Верил, но сказать не умел. «Сказать свою веру нельзя...» Как только сказал, то вышло кощунство. Мало сказать – надо сказать и сделать. А сейчас кто скажет и сделает? Но пусть не сказал, мы все-таки знаем, что он с Тем, Чье имя сказать нельзя.

Он с Ним, а мы с кем? Только ответ на этот вопрос и решит, с нами или не с нами Толстой.

«Св. Лев, моли Бога о нас!» – гр. Александра Андреевна Толстая предсказывала, что обратится некогда с этими словами к племяннику своему Льву Николаевичу.

Свят ли он? Нет, несмотря на все величие свое, он так же грешен, как мы. Не за это ли мы и любим его больше святых?

Когда умирают святые, то прямо идут в рай, а грешные проходят чистилище. Русский большевизм – толстовское чистилище. Огнем его грехов сейчас вся Россия горит, но не сгорит: спасет Зеленая Палочка. Только грехи сгорят в огне чистилища, и выйдет из него Святая Россия, Святой Лев.

– Св. Лев, моли Бога о нас! – пока мы этого не скажем, мы не спасем России.

КРЕСТ И ПЕНТАГРАММА[5]

Erwarte nicht
Das dreimal gluhende Licht:
Goethe. Faust

Пентаграмма или крест? Был крест на челе Европы; пентаграмма будет ли? Вот вопрос, восставший ныне перед всем человечеством. Вот чем всемирная война кончается, – войной Пентаграммы с Крестом.

Солнечно-белое знаменье: Сим победиши – потухает во тьме, и является на

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
небе знаменье иное, звезда кроваво-красная. Льетса кровь на земле, и звезда на небе кровью наливается. Небо красно, красна земля. Все в крови и в огне: как будто наступил конец мира, шар земной столкнулся с налетевшей кометой, звездой раскаленной докрасна.

Две геометрические фигуры, два числа таинственных: Пентаграмма, звезда пятиугольная, и четырехконечный Крест. Пять и четыре. Между Четырьмя и Пятью судьбы мира колеблются, как страшно, как просто!

Что такое Крест?

«Древо проклятия». «Проклят висящий на древе», по Второзаконию Моисееву. Орудие позорнейшей пытки, по римскому законодательству. На четырех деревянных брусках тело человека, пригвожденное, растягивается, как бы раздирается, четвертуется. Число Креста – четыре. Тетраграмма, четверица Пифагорейская, знаменует трансцендентную сущность мира. На кресте зиждется мир: четыре конца света, четыре стихии природы. Четырехстихийный мир – четырехконечный крест. На кресте мира Бог распинается, четвертуется. Жизнь мира – смерть Бога, Богоубийство. Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Аттис малоазийский, Адонис сиро-финикийский, Дионис эллинский, Митра персидский – все тот же страдающий, растерзанный, распятый Бог. Его религия – первая и последняя, единственная религия человечества; иной не было, нет и не будет. В этом смысле христианство – только откровение, апокалипсис язычества.

«Разделение Диониса на воздух, воду, камни, растения, животных есть растерзание, распятие Бога, *diasprosmos, diamelismos*», учит Плутарх, жрец Аполлона Дельфийского, посвященный в Дионисовы таинства. (*Ei apud Delphos. C. 9.*) «Растерзание Диониса есть распятие Логоса», – учит св. Климент Александрийский. Это значит: весь мировой процесс не что иное, как разделение божеского Единства на космическую множественность; мир есть растерзанный Бог.

Последняя бледная тень этой религии – в современной науке и в современной метафизике: основа мировой эволюции – дифференциация, раздробление единого Непознаваемого, по Спенсеру; единая сущность мира – воля – осуществляемая в явлениях посредством «начала различения», *principium individuationis*, по Шопенгауэру.

Тетраграмма, четыре – число креста, число космоса. На четырехстихийном кресте космоса Логос, Единородный Сын Божий распинается. «Так возлюбил Бог мир, что Сына Своего Единородного отдал за мир». Тайна множественности – единство; тайна креста – любовь. Любовь на кресте умирает за мир, «да будут все едино».

Мир есть множественность; мир есть война, смерть. А крест над миром – единство над множественностью, воскресение над смертью, мир над войною. За космосом – Логос; за четырьмя – Три в Одном, Один в Трех, единый свет, трижды светящий, солнечно-белое знаменье: Сим победиши, Пресвятая Троица.

Вот что такое Крест. А Пентаграмма что?

В средневековом оккультизме Пентаграмма – изображение верхней полусферы звездного неба – магический знак, как будто невинный и даже святой, отгоняющий Силу Нечистую.

На пороге двери у доктора Фауста пятиугольная звезда пентаграммы недочерчена: наружный угол открыт. Вот почему дьявол, в образе черного пуделя, входит в дверь, но выйти не может: «Попала лиса в капкан».

Пудель растет, распухает, становится огнеглазым страшилищем. Тогда Фауст понимает, что дело неладно, и начинает его заклинать, сперва четырьмя стихиями – огнем, водою, землей, воздухом – крестом космическим:

Erst zu begegnen dem Tiere,
Brauch ich den Spruch der Viere.
Сперва, чтоб сразиться со Зверем,
Мы силу четырех измерим:
Саламандра, пылай,
Ундина, струись,
Сильф, исчезай,

Кобольд, трудись!

Заклинание не действует: дух сильнее материи. Пес лежит спокойно и скалит зубы. Тогда Фауст приступает к заклинанию более сильному: крест Логоса – за крестом космоса:

Если, товарищ,
Ты – выходец из ада,
То взгляни на это знаменье,
Перед коим склоняются
Черные толпы!

Пудель растет, распухает все больше и злобно щетинится. Фауст продолжает:

Ты, существо
Богоотступное,
Знаешь ли имя Его,
Уму недоступное?
Имя вовек Нерожденного
Несказанного,
Сквозь все небеса Излиянного,
Злодейски Пронзенного?
Страшилище отступает за печку, раздувается, как слон, наполняет всю комнату, хочет подняться туманом и рассеяться. Но Фауст грозит ему заклятием сильнейшим из всех:

К ногам моим пади,
Не жди
Слова грозящего,
Света трижды светящего!
Erwarte nicht
Das dreimal gluhende Licht!

Туман оседает, и в одежде странствующего схоласта выходит из-за печки Мефистофель:

«К чему весь этот шум? Что, сударь, вам угодно?»

Не Пентаграммой, а Крестом побеждает дьявола Фауст во времени, и победит в вечности, будет спасен тайной Креста, «Светом, трижды светящим», Пресвятою Троицей. Но земная трагедия Фауста – трагедия современного человечества – все еще совершается между Крестом и Пентаграммой.

Пентаграмму заимствовал средневековый оккультизм из незапамятной вавилонской древности, колыбели современного точного знания – математики, астрономии, – так же как и знания оккультного – магии. Недаром у обоих – одна колыбель: несмотря на все различия в методах, современная точная наука и древняя магия ближе сходятся, чем думают непосвященные. Для обоих: знать – мочь; совершенное знание – совершенное могущество, богоподобная власть человека над миром. Змий не солгал: «Вкусите и будете, как боги». Еще не вкусили, но вкусят и будут. «Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости, и явится Человекобог». (Черт – Ивану Карамазову). В современной точной науке и в древней магии – одна и та же идея Человекобожества.

В вавилонской клинописи пятиугольная звезда значит «Бог», а в вавилонской магии пентаграмма, изображая пять планетных сфер со всей небесной механикой, знаменует совершенное знание – совершенное могущество, богоподобную власть человека над миром – Человекобожество.

В ассиро-вавилонском зодчестве пентаграмме соответствуют исполинские башни-обсерватории, зиггураты (Ziggurat), построенные из обожженного кирпича с горной смолой, суженные кверху, сначала пяти-, а потом семиярусные, изображающие те же пять или семь планетных сфер (Геродот). Восходя на такую башню, человек как бы восходит на небо, становится Богом. Выражение, употребляемое в вавилонской клинописи: «Строить в небо ступени» и значит: «Строить зиггурат».

«Построили башню, дабы взойти на небо – ut in coelum ascenderent» (Alexander Polyhistor). – «Первые люди, возгордясь могуществом своим, стали презирать богов; они построили высокую башню там, где ныне Вавилон. Башня уже почти касалась вершиною неба, когда вдруг ветры пришли на помощь богам и опрокинули здание на строителей. Развалины получили название Babel. Прежде люди говорили одним языком, а с той поры боги заставили их говорить

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
на разных наречиях» (Бэроз, вавилонский историк III века до Р. Хр.).

Зиггурат – допотопная «башня языков», о которой повествует Библия. «На всей земле был один язык и одно наречие. – И сказали друг другу: построим себе город и башню высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. – И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот, что начали они делать, и не отстанут они от того, что вздумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так что бы они не понимали друг друга. – И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню» (Бытие, 11).

Ассиро-вавилонская монархия – первая в истории попытка всемирного объединения человечества силою меча, войною, «империализмом», есть новое строение вавилонской башни для нового восхождения на небо – человекобожества. «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой. Буду подобен Всевышнему», – говорит Новуходоносор, царь вавилонский (Исаия, 14).

«Предположено устроить в Петрограде памятник в честь III Интернационала, в полтора раза выше Эйфелевой башни. В здании должны помещаться различные учреждения III Интернационала» (Известия Петроградской Коммуны. 1920. № 104).

Достоевский сравнивал всемирное объединение человечества в Интернационале с вавилонской башней. Как все пророчества Достоевского, так и это ныне исполняется воочию. Петроградская башня – продолжение вавилонской, III Интернационал – продолжение Интернационала допотопного. Одна звезда пятиугольная сверкает над обоими.

Существует ли вавилонский или, как выражаются русские черносотенцы, «жидо-масонский» всемирный заговор, я не знаю. Аврааму, пришедшему в Ханаан из Ура Халдейского тайна вавилонского оккультного знания могла быть ведома; но как проникли в нее такие религиозно-невежественные люди, как Ленины-Троцкие, – я не знаю; знаю только, что пентаграмма ведет ныне на Запад красные полчища, так же как некогда крест вел на восток крестоносное воинство. Нет, кажется, это – не новый, «жидо-масонский», а древний, более страшный и таинственный, заговор; кажется, Ленинцы-Троцкие сами не знают, что делают: они – только слепые орудия тайных сил.

Весь европейский Запад сейчас – в самом деле «запад», закат христианского солнца; «тихий свет вечерний», свет креста потухает на Западе и «свет с Востока» идет на него – звезда кроваво-красная. Пентаграмма – против Креста, Человекобожество – против Богочеловечества, Интернационал – против Церкви Вселенской.

Что ж это такое? Конец или только начало борьбы?

Судя по европейскому Западу, – конец. Крест уже потух в сердце Европы; и на челе ее потухает; потухнет Крест и Пентаграмма вспыхнет. Все народы отрелись от Креста и Пентаграмме поклонились.

Великий пророк Польши, Красинский, предрек эту войну в «Небожественной комедии».

Граф Генрик, последний воин Креста, борется с Панкрацием, вождем «всемирной революции». Главный помощник Панкрация, «Жид-Выкрест», глава заговорщиков, произносит заклинание над открытой книгою Талмуда, книгою вавилонского оккультного знания:

«Радуйтесь, братья мои: крест, наш враг, уже наполовину подрублен, истлел; ныне стоит он над лужею крови и, если падет, то уже не подыметься».

Пал Крест. Граф Генрик побежден. Последняя твердыня Креста, крепость Св. Троицы взята приступом. Граф Генрик кидается со скалы в пропасть, и на ту же скалу всходит Панкраций, победитель торжествующий, с учеником своим Леонардом. Но страшное видение поражает их.

Панкраций. Как столб снегового блеска белого, стоит Он над пропастью, обеими руками на крест опирается, как мститель на меч; терновый венец Его сплетен из молний... Кто из живых не умрет под молнией глаз Его?..

Мережковский Д. Царство Антихриста filosoff.org
(Леонарду). Положи мне руки на глаза – прижми ладони к глазницам – закрой
меня от этих глаз испепеляющих!

Леонард. Вот так?

Панкраций. Слабы руки твои – как руки духа, без костей и без плоти –
прозрачны, как вода – прозрачны, как стекло – прозрачны, как воздух. Я все
еще вижу Его.

Леонард. Обопрись на меня.

Панкраций. Дай мне хоть капельку мрака!

Леонард. Учитель!

Панкраций. Мрак – мрак!

Леонард. Эй, граждане! – Эй, братья! – Демократы, на помощь! Эй! Спасите,
спасите, на помощь!

панкраций. Galilaeae vicisti! (падает на руки Леонарда и умирает).

Таков конец «Небожественной комедии» в изображении поэта; не таков ли будет
и в действительности?

Чем заклясть одного Красного Дьявола и красных дьяволов бесчисленных?
Великий язычник Гете, и великий христианин, Красинский, в ответе на этот
вопрос совпадают изумительно: у Гете Фауст заклинает дьявола сначала
Крестом, Четырьмя, а потом – «трижды светящим Светом – *das dreimal gluhende
Licht*» – Пресвятою Троицей; у Красинского – сначала Крест побежден, а потом
побеждает, вознесенный над твердыней Пресвятой Троицы.

Герой Красинского, граф Генрик поднимает крест на революцию. В этом ошибка
героя или самого поэта. Ведь, в революции подлинной, по крайней мере, в
исходной точке Великой Революции Французской, был «трижды светящий свет»
Креста – Свобода, Равенство, Братство, – Пресвятая троица в человечестве. В
этом смысле прав Гегель, утверждая, что Французская революция есть
«величайшее откровение христианства после Христа». Но и здесь европейский
Запад только «запад», закат христианства. «Тихий свет вечерний» потух –
потух Крест в революции; наступила ночь Террора, бескрестного ужаса,
длящаяся вплоть до наших дней, и возшла звезда кроваво-красная: свобода –
насилие, равенство – рабство, братство – братоубийство; революция –
реакция, какой еще мир не видал: от вселенской церкви – к вавилонской
башне, от Третьего царства Духа – к Интернационалу Третьему. Имя этой
реакции – русский большевизм.

Построится ли в Петрограде новая вавилонская башня Третьего Интернационала?
Если и построится, то рухнет, так же как древняя.

Первая церковь, воздвигнутая Петром при основании «Петербурга-городка» –
собор Пресвятой Троицы. До наших дней уцелела эта малая, ветхая деревянная
церковка. Пентаграмму победит крест, сверкающий на соборе Пресвятой Троицы.

Примечания

1

Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А. Царство
Антихриста. Мюнхен: Drei Masken, 1921.

2

Впервые: Общее дело (Париж). 1921. 26–29 января. № 195–198.

3

Впервые: Свобода. 1920. 28 и 31 июля. №№ 10 и 13.

4

Впервые: Общее дело. 1921. 19 и 20 января. № 189, 190.

5

Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken, 1921. С. 179–188.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!